

Н. Н. Ярошенко¹**КОНЦЕПТ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В ПРОДВИЖЕНИИ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ:
СМЕЩЕНИЕ АКЦЕНТОВ И НОВЫЕ СМЫСЛЫ**

В условиях становления нового мирового порядка, порождающего изменения современных идеологием и инструментов политического влияния, складываются предпосылки для новых форматов презентации российской идентичности в международном культурном пространстве. В этой связи любопытно посмотреть, как в ближайшее время будут репрезентироваться российская культура и формироваться новая международная культурная политика.

Полагаем, что наиболее ярко эти изменения можно проследить на основе актуализации концепта «мягкой силы» и того, как этот концепт трансформируется. При этом очевидно, что чисто культурологическая задача осмысления партнерского взаимодействия государств и народов перерастает в проблему реальной политики и становится практически важной, поскольку связывается с поиском действенных инструментов стратегического участия государств в развитии современного мира.

Сегодня очевидно, что развернувшаяся в ряде стран политика отмены российской культуры, ее достижений и лидеров служит инструментом политического противоборства, одной из форм гибридной войны. Мы наблюдаем много примеров того, как культура нашей страны подвергается исключению в кино, театрах, коллекциях музеев, программах международного культурного сотрудничества. И когда мы, не соглашаясь с этим, утверждаем, что невозможно отменить Чайковского, Достоевского, Чехова, невозможно нивелировать мировое значение российской культуры, то невольно констатируем, что в недружественных зарубежных странах активно формируется особое состояние общественного сознания, допускающего такую отмену. Ситуация требует анализа не только идеологической подоплеки культурного противостояния, но и обеспечивающего его инструментария, выстроенного на основе концепций «мягкой силы», публичной и культурной дипломатии. Инструменты «мягкой силы» становятся обоюдоострыми, способными приводить к улучшению или ухудшению межкультурного взаимодействия. В признании этого раскрывается новый ракурс понимания смыслов и инструментального обеспечения культурной политики.

По сути речь идет о новом состоянии внешней культурной политики, которая приобретает особый *амбивалентный статус*: с одной стороны, выступает средством активного формирования продуктивных отношений между субъектами внешнеполитического процесса, странами и народами, а с другой — сред-

ством разрушения сложившихся добрососедских отношений, практикой формирования негативных образов и паттернов общественного поведения.

Говоря о «внешней культурной политике», мы имеем в виду общий курс внешней политики государства, при котором достижение цели, выраженной в оказании влияния на зарубежное общество и его мнение, происходит с помощью средств культурной политики, что включает распространение национального языка, искусства, форм национальной культуры, спорта и т. д.² Внешняя культурная политика тесно связана с общей логикой формирования и реализации государственной культурной политики.

В России это направление сегодня регулируется на идеологическом уровне Основами государственной культурной политики³ и Стратегией государственной культурной политики на период до 2030 года⁴. Если говорить о прикладном аспекте, то нужно упомянуть ряд документов Межпарламентской ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств (например, Модельный закон о социально-культурной деятельности⁵).

В стране активно обсуждаются новые подходы к выбору приоритетов государственной культурной политики и, шире — гуманитарной политики, в основе которой лежит ценностно-цивилизационный подход (В. В. Аристархов и др.), предполагающий поиск идеологических оснований для утверждения российской идентичности и ее международной репрезентации.

В полной мере задачи внешней культурной политики реализуются на уровне сопряжения ее основных инструментов, разработанных в XX веке:

— в 1930-е годы введено понятие «культурная дипломатия» (Ф. Ч. Баргхорн и др.): она строится на «обмене идеями, информацией, ценностями, традициями, верованиями и другими аспектами культуры, которые могут способствовать улучшению взаимоотношения» (М. К. Каммингс)⁶;

² Соловьева А. А. Внешняя культурная политика как новый феномен современных международных отношений // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений : электрон. науч. журн. 2019. № 2 (28). С. 163–169. URL: <http://gosreg.amchs.ru/pdf/files/28number/articles/Solovieva-28%20MGLU.pdf> (дата обращения: 20.06.2022).

³ Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/70828330> (дата обращения: 20.06.2022).

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 29 февраля 2016 г. № 326-п // Правительство России : [офич. сайт]. URL: <http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKqH0qEJA9Ixp72xm.pdf> (дата обращения: 20.06.2022).

⁵ Постановление Межпарламентской ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств от 25 ноября 2016 г. № 45-15 «О модельном законе „О социально-культурной деятельности“» // Центр народной культуры Ульяновской области : [сайт]. URL: <http://ulcult.ru/uploads/2017/11/polozhenie-k-postanovleniyu-mpa-sng-ot-25-11-2016.pdf> (дата обращения: 20.06.2022).

⁶ Цит. по: Зонина Т. В. Дипломатия — наука и искусство // Дипломатический вестник. 2000. № 10. С. 99–106.

¹ Заведующий кафедрой социально-культурной деятельности Московского государственного института культуры, доктор педагогических наук, профессор. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Стратегические ориентиры развития художественного образования в странах СНГ» (в соавт.), «Arts Education in the CIS Countries: Policy Brief» (в соавт.), «Ценностно-смысловое содержание социально-культурной деятельности в современной России» (в соавт.), «Индустрия досуга: теоретические подходы и актуальные практики» (в соавт.), «Педагогическая имплементация понятия „социально-культурная деятельность“» и др.

— в 1960-е годы предложено понятие «публичная дипломатия» (Э. Галлион), означающее процесс, который «позволяет субъектам международных отношений достигать внешнеполитических целей, оказывая воздействие на иностранное общество»¹;

— в 1980-е годы сформулирован концепт «мягкой силы» (Дж. Най), предполагающий наличие социокультурных практик, обусловленных культурой, политической идеологией и внешней политикой².

В концепте Дж. Найа дефиниция «силы» рассматривается в качестве смыслообразующей, раскрывающей вариативные инструменты влияния на зарубежное общество. Диверсификация «мягкой силы» и повышение ее влияния обусловлены несколькими факторами, среди которых исследователи М. Де Мартино и О. В. Барнашов выделяют следующие:

— существенную трансформацию сферы международных отношений, в особенности появление различных моделей, объясняющих взаимодействие акторов в международной среде;

— увеличение числа субъектов на международной арене, рост комплексных взаимодействий между субъектами международной политики и дисперсия, снижение уровня ее концентрации;

— растущую роль «мягкой силы» в современной международной динамике как возможность преодолеть «недостаточность опоры на военную силу в управлении международными процессами»³.

Безусловно, концепт «мягкой силы», овладевший умами академического сообщества, сегодня становится широко распространенной идеей, доступной для понимания и прикладной реализации. Однако данная идея все еще остается спорной. По поводу нее активно ведутся дискуссии как на философско-культурологическом уровне, так и на «культурно-политическом», объединяющем тех, кто занят изучением идеологии и практики культурной политики, в том числе в контексте международного сотрудничества.

В контексте анализа прикладных инструментов «мягкой силы» необходимо указать на изменение участников процесса внешней культурной политики.

М. Де Мартино и О. В. Барнашов отмечают со ссылкой на работы зарубежных политологов⁴: «Если в традиционной концепции международных отношений только государства и международные организации понимались в качестве единственных акторов на международной арене, в последние десятилетия появились другие игроки, имеющие ключевую роль в глобальных делах. Новые субъекты международных отношений — это многонациональные образования, неправительственные организации, преступные террористические группы, в некоторых случаях отдельные государственные деятели, бизнесмены. Появлению новых субъектов в мировой политике способствовал прогресс в науке и инновациях»⁵.

Подчеркнем: в реализации внешней культурной политики сегодня определились новые участники, в числе которых представители гражданского общества и бизнеса. И соотношение их действий неоднозначно, так как связь между субъектами «мягкой силы» — теми, кто ее реализует, и теми, кто подвергается ее влиянию, перерастает односторонностью воздействия и выходит на уровень реального взаимодействия и взаимовлияния.

При этом повышение активности нашей страны во внешней культурной политике, снизившейся из-за внешних обстоятельств, которые искусственно сдерживают продвижение русского языка, отечественного искусства, спорта, возможно прежде всего за счет активного включения в этот процесс новых акторов, субъектов российской культурной (в том числе социально-культурной) деятельности.

При этом как никогда остро ощущается потребность в формировании новой идеологии международного культурного сотрудничества России, адекватной современным вызовам и задачам репрезентации российской идентичности, а также все более возрастающая роль в этом процессе негосударственных акторов, в том числе в культурно-образовательной сфере.

¹ Цит. по: Современные международные отношения : учебник и практикум для академического бакалавриата / под ред. А. И. Позднякова, В. Белозерова, М. М. Васильевой. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2019. С. 215.

² См. : Соловьева А. А. Указ. соч.

³ Де Мартино М., Барнашов О. В. Историографический обзор некоторых критических подходов к концепции «мягкой силы» Дж. Найа // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2020. № 4. С. 42.

⁴ См., например: Persuasion and power in the modern world. L. : The Stationery Office Limited, 2014.

⁵ Де Мартино М., Барнашов О. В. Указ. соч. С. 42.